

УДК 341/343

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО (ДОМАШНЕГО) НАСИЛИЯ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Горшкова Н. А., Родионов К. В.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Преступления, связанные с насилием над потерпевшими, во все времена привлекают внимание ученых и практиков. Данная статья посвящена анализу одной из современных проблем установления ответственности за криминальное насилие, проявляющееся в особой обстановке развития преступного посягательства, а именно – семейно-бытовых отношений. Анализируется международный опыт регулирования соответствующих вопросов, и современное состояние уголовного законодательства. В результате исследования авторы приходят к обоснованным выводам о необходимости дополнительной обособленной криминализации фактов применения насилия в отношении близких родственников. В связи с чем авторы предлагают законодательно закрепить подобные действия в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, дополнив ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) пунктом соответствующего содержания.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; формы насилия; криминальное насилие; перепевший.

Криминальное насилие наносит неизгладимый ущерб физическому, сексуальному, эмоциональному, психическому и социальному благополучию бесчисленного множества людей, способно привести к их инвалидизации, утрате трудоспособности и во многих случаях к смерти. Любое криминальное насилие сопровождается увеличением расходов на медицинскую помощь и правоохранительную деятельность, повышением уровня бездомности среди детей и других членов семьи, в связи с чем требуется дальнейшее активное нормотворчество и правоприменение по обеспечению безопасности семьи и ее членов [16, с. 4; 22]. По этой причине семейно-бытовое насилие (домашнее) вот уже долгие годы рассматривается как проблема прав человека [11, с. 208], изначально имеющая особую общественную значимость.

При этом стоит особо учитывать, что само по себе криминальное насилие не является «внутренним делом» конкретного государства, масштабы его распространения, количество совершаемых правонарушений, наносимый ущерб жертвам конфликта привели к сотрудничеству государств на международном уровне, выработке единых стандартов для осуществления противодействия этому негативному социальному явлению, что получило отражение на правовом уровне – в виде принятия международных договоров и резолюций [13, с. 30–36]. Так, единые стандарты международных межправительственных организаций разрабатывались на основе передового опыта стран-членов интеграционных образований, правоприменительной практики международных контрольных органов. Конечно, каждая страна отличается масштабом и формами проявления насилия, что продиктовано национальными особенностями страны, религиозными факторами, традициями, обычаями.

Вместе с тем, несмотря на столь значимые различия государств, международное сообщество с течением времени выработало единый подход к определению криминального насилия в семье и формам его проявления. Справедливости ради следует отметить, что эти стандарты не являются неизменными, они трансформируются, уточняются, дополняются, исходя из вызовов современного общества. Для России,

являющейся членом ООН, имплементация международных стандартов по противодействию семейно-бытовому насилию в российское законодательство должна вести к унификации подходов к рассматриваемой проблематике и совершенствованию правового регулирования [8, с. 45]. В 1985 г. ООН признано, что злоупотребления и избиения в семье являются острыми проблемами, которые оказывают серьезное физическое и психологическое воздействие на каждого члена семьи и ставят под угрозу здоровье и дальнейшее существование семьи [3]. В 1989 г. ООН акцентировала свое внимание на том, что насилие в семье является распространенным явлением во всех обществах и социально-экономических классах [4], а в 1991 г. было обращено внимание на то, что такое насилие «затрагивает все слои общества, независимо от социального положения, размера дохода, культуры, пола, возраста или религии, может явиться причиной долговременных последствий, что касается взглядов и поведения, таких как повышенная терпимость к насилию в обществе в целом» [2]. В 2003 г. эксперты ООН пришли к выводу, что «бытовое насилие может принимать самые разнообразные формы, включая физическое, психологическое и сексуальное насилие, экономические лишения и изоляцию» [5]. В 2015 г. такой неизвестный отечественному уголовному праву вид, как пренебрежительное отношение, стало признаваться на международном уровне одной из форм насилия в семье [1].

В 2019 г. ООН обобщила виды более распространенных форм бытового насилия, к их числу отнесены: убийства; физическое насилие; сексуальное насилие; психологическое и эмоциональное насилие, включая принудительный контроль; экономическое насилие; серьезное пренебрежение; калечащие операции на женских половых органах; преступления в защиту чести; торговля членами семьи; детские, ранние и принудительные браки; принудительная «конверсионная терапия», иногда называемая «репаративной терапией», включает в себя ряд методов, например, электрошок, применение лекарств, психотерапию или духовные манипуляции или «целительство», которые направлены на изменение сексуальной ориентации, гендерной идентичности или самовыражения человека; репродуктивное принуждение [6].

В Стамбульской конвенции в дефиниции домашнего насилия говорится о 4-х основных формах: физическом, психологическом, сексуальном, экономическом. А далее в самом содержании этого международного договора приводятся и другие его формы, а именно: насильственные браки; калечащая операция на женских гениталиях; насильственный аборт и насильственная стерилизация; преступления в защиту чести [12]. В международном договоре Совета Европы получили отражение не все формы семейного насилия, определенные ООН, что обусловлено масштабом и особенностями распространения негативного социального явления в странах, являющихся членами ЕС. Кроме того, европейский подход к криминализации насилия основывается на выделении 4-х основных форм, остальные входят в их содержание.

С позиции ООН под определение физического насилия подпадают все формы телесного наказания, которое определяется как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое направлено на причинение боли или дискомфорта [6]. Эмоциональное и психологическое насилие имеет целью нарушить эмоциональную и психологическую устойчивость, уравновешенность и благополучие жертвы и зачастую является предвестником физического насилия или совершается в сочетании с ним. Экономическое насилие означает использование или неправомерное использование денег или других ресурсов в целях ограничения действий чело-

века, принуждения его к каким-либо действиям или установления контроля над ним. Оно может включать в себя, например, посягательство на способность человека приобретать, использовать и поддерживать материальные ресурсы, такие как деньги и средства передвижения. Как правило, это насилие направлено на создание экономической зависимости от преступника и злоупотребление ею. К сексуальному насилию относятся изнасилование и любые другие недобровольные действия сексуального характера между взрослыми людьми, включая нынешних и бывших супругов, любые действия сексуального характера, совершаемые взрослыми с детьми.

Исходя из степени общественной опасности того или иного насильственного деяния, количества встречающихся его случаев в деятельности правоохранительных органов, выработки какого-либо криминально-новаторского подхода к способам его совершения и т.п. законодатель вправе предусмотреть уголовную ответственность за конкретный его вид. Так было с неоднократным изменением состава побоев (ст. 116 УК РФ) в 2016 и 2017 гг., а также криминализацией в 2016 г. побоев с административной преюдицией (ст. 116.1 УК РФ) и их последующим реформированием в 2022 г. При этом последний шаг законодателя направлен именно на усиление уголовной ответственности за побои для лиц, кто уже имеет судимость за преступление, совершенное с применением насилия [14]. Это новаторство, которое свидетельствует о значительном усилении карательного потенциала закона в отношении лиц, допускающих применение насилия, даже не опасного для жизни и здоровья.

Определенная последовательность постановки под особую уголовно-правовую охрану беременных женщин, малолетних, несовершеннолетних, инвалидов, престарелых, а также и лиц с психическим отклонением ставшими жертвами насилия, в отечественном УК РФ прослеживается [9, с. 15]. В случаях, когда такие граждане выступают потерпевшими от преступлений, это всегда учитывается в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность как по общему правилу (ст. 63 УК РФ), так и в конкретных конструкциях составов преступлений, включенных в Особенную часть УК РФ. Вместе с тем, очевидно, что отечественное уголовное законодательство не содержит отдельных норм, отражавших бы специальные вопросы квалификации именно преступлений, сопряженных с бытовым насилием, когда потерпевшими выступают близкие родственники. Как правило, для квалификации подобных преступлений используются общие нормы УК РФ, включенные в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», а также в случаях, когда речь идет о потерпевших несовершеннолетних, – нормы, включенные в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Ученые долгие годы настаивают, что «со стороны государства и общества следует предпринимать шаги для обеспечения безопасности личности в сфере семейно-бытовых отношениях, ибо криминализация семьи и быта генерирует рост преступности в обществе, подрывая процесс социализации, укрепления и развития позитивных общественных связей» [15, с. 123]. Более современные исследователи приводят устрашающие цифры статистики, демонстрирующие увеличение семейно-бытовых конфликтов на фоне длительной самоизоляции в период пандемии коронавирусной инфекции (2020-2021 гг.) и также поддерживают идею не только о внесении соответствующих изменений в УК РФ, но и принятия отдельного ФЗ с закреплением соответствующей терминологии, видов семейно-бытового насилия и мер по его противодействию [17, с. 83]. А некоторые специалисты вообще скептически отно-

сятся даже к самому механизму применения таких норм: «Уголовный кодекс защищает граждан от всех форм насилия, в том числе и семейного, но начинает действовать после совершения преступления» [10]; «... речь идет о затрудненном доступе к правосудию и отсутствии дружественного правосудия по отношению к жертвам насилия в семье, а также неадекватной реакции властей на их обращения» [7, с. 76].

Таким образом, можно констатировать, что ситуация, связанная с идентификацией семейно-бытового (домашнего) насилия именно как уголовно-правовой категории весьма сложная. Объясняется это, во-первых, тем, что отсутствует законодательно закрепленный термин, который давал бы понятие такому криминальному явлению именно в качестве преступного. Во-вторых, сама ответственность за применение насилия в семейно-бытовой сфере может «распыляться» между неограниченным количеством смежных статей УК РФ, в зависимости от конкретных обстоятельств его применения, что осложняет процесс квалификации.

По нашему мнению, возможное начало долгого пути по укреплению основ уголовно-правового противодействия семейно-бытовому (домашнему) насилию должно быть ориентировано на внесение поправок в УК РФ. В частности, считаем необходимым криминализовать повышенную ответственность за совершения любого преступления (не только применения насилия) в отношении близких. А самым универсальным способом это сделать является дополнение ч. 1 ст. 63 УК РФ п. «т» «т) совершение преступления в отношении близких родственников».

Список литературы:

1. Accelerating efforts to eliminate all forms of violence against women: eliminating domestic violence: draft resolution: A/HRC/29/L.16 (29.06.2015) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G15/135/88/pdf/G1513588.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Domestic violence: A/RES/45/114 (03.04.1991) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/565/03/img/NR056503.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Domestic violence: resolution / adopted by the General Assembly: A/RES/40/36 (11.12.1985) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/477/43/img/NR047743.pdf?OpenElement>.
4. Domestic violence: E/RES/1989/67 (14.07.1989) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/685/27/img/NR068527.pdf?OpenElement>.
5. Elimination of domestic violence against women: resolution / adopted by the general assembly: A/RES/58/147 (15.09.2003) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/503/40/pdf/N0350340.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Relevance of the prohibition of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment to the context of domestic violence: Note by the Secretary-General: A/74/148 (12.07.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/214/44/pdf/N1921444.pdf?OpenElement>.
7. Береза, З.М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии / З.М. Береза // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 75–86.
8. Бучакова, М.А. Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье / М.А. Бучакова, А.А. Гайдуков // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 1 (33). – С. 42–45.
9. Ендольцева, А.В. Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? / А.В. Ендольцева // Мировой судья. – 2020. – № 10. – С. 14–18.
10. Заверняева С. Семейным тиранам хотят запретить контактировать со своими жертвами / С. Заверняева // Парламентская газета. – 2019. – 21 октября.
11. Карпов, Э.С. Проблемы понимания прав человека / Э.С. Карпов, О.Н. Халак // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 4 (5). – С. 207–210.
12. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Заключена г. Стамбуле 11.05.2011) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f>
13. Нарышкина, Н.И. Международные стандарты при исполнении уголовных наказаний: учебное пособие / Н.И. Нарышкина, О.Н. Халак; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний, каф. уголов.-исп. права. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2016. С. 30–36.
14. О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 27, ст. 4604.

15. Федоров, П.А. Криминологический анализ преступлений в семейно-бытовой сфере на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3(51). – С. 118–123.
16. Харламов, В.С. Теория и практика противодействия семейному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2019.
17. Яушева, А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России / А.Д. Яушева // Административное право и процесс. – 2022. – № 7. – С. 83–84.

N. A. Gorshkova, K.V. Rodionov. Problems of criminal-legal identification of domestic (domestic) violence in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 443–447.

Crimes related to violence against victims have always attracted the attention of scientists and practitioners. This article is devoted to the analysis of one of the modern problems of establishing responsibility for criminal violence, manifested in a special situation of the development of criminal encroachment, namely, family and domestic relations. The international experience of regulating relevant issues and the current state of criminal legislation is analyzed. As a result of the study, the authors come to reasonable conclusions about the need for additional separate criminalization of the facts of the use of violence against close relatives. In this connection, the authors propose to legislate such actions as an aggravating circumstance, adding Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) with a paragraph of the relevant content.

Keywords: domestic violence; forms of violence; criminal violence; quail.

Spisok literatury:

1. Accelerating efforts to eliminate all forms of violence against women: eliminating domestic violence: draft resolution: A/HRC/29/L.16 (29.06.2015) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G15/135/88/pdf/G1513588.pdf?OpenElement> (data obrashhenija: 15.04.2023).
2. Domestic violence: A/RES/45/114 (03.04.1991) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/565/03/img/NR056503.pdf?OpenElement>.
3. Domestic violence: resolution / adopted by the General Assembly: A/RES/40/36 (11.12.1985) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/477/43/img/NR047743.pdf?OpenElement>.
4. Domestic violence: E/RES/1989/67 (14.07.1989) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/685/27/img/NR068527.pdf?OpenElement>.
5. Elimination of domestic violence against women: resolution / adopted by the general assembly: A/RES/58/147 (15.09.2003) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/503/40/pdf/N0350340.pdf?OpenElement>.
6. Relevance of the prohibition of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment to the context of domestic violence: Note by the Secretary-General: A/74/148 (12.07.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/214/44/pdf/N1921444.pdf?OpenElement>.
7. Bereza, Z.M. Mezhdunarodnye podhody k dokazyvaniyu v delah o domashnem nasilii // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 75–86.
8. Buchakova, M.A. Mezhdunarodno-pravovoj mehanizm protivodejstvija nasiliju v sem'e / M.A. Buchakova, A.A. Gajdukov // Altajskij juridicheskij vestnik. – 2021. – № 1 (33). – S. 42–45.
9. Endol'ceva, A.V. Zashhita poterpevshih ot bytovyh nasilstvennyh prestuplenij: vse li sdelano v jetom napravlenii? / A.V. Endol'ceva // Mirovoj sud'ja. – 2020. – № 10. – S. 14–18.
10. Zavernjaeva S. Semejnym tiranam hotjat zapretit' kontaktirovat' so svoimi zhertvami // Parlamentskaja gazeta. – 2019. – 21 oktjabrja.
11. Karpov, Je.S. Problemy ponimaniya prav cheloveka // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2007. – № 4 (5). – S. 207–210.
12. Konvencija Soveta Evropy o predotvrashhenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshhin i domashnim nasiliem (Zakljuchena g. Stambule 11.05.2011) [Jelektronnyj resurs]
13. Naryshkina, N.I. Mezhdunarodnye standarty pri ispolnenii ugovolnyh nakazanij: uchebnoe posobie / N.I. Naryshkina, O.N. Halak; Feder. sluzhba ispoln. nakazanij, Vladim. jurid. in-t Feder. sluzhby ispoln. nakazanij, kaf. ugovol.-isp. prava. – Vladimir: VJul FSIN Rossii, 2016. – S. 30–36.
14. O vnesenii izmenenij v stat'ju 116.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'ju 20 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 28 ijunja 2022 g. № 203-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 27, st. 4604.
15. Fedorov, P.A. Kriminologicheskij analiz prestuplenij v semejno-bytovoj sfere na sovremennom jetape // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 3(51). – S. 118–123.
16. Harlamov, V.S. Teorija i praktika protivodejstvija semejnomu nasiliju v sem'e (sistemnoe kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2019. – 43 s.
17. Jausheva, A.D. Mery profilaktiki semejno-bytovogo nasilija v Rossii / A.D. Jausheva // Administrativnoe pravo i process. – 2022. – № 7. – S. 83–84.